

СНОВА ДУЕТ ВЕТЕР

Яков УРИНСОН

ГАЙДАРОВСКИЕ РЕФОРМЫ. ВЗГЛЯД НАЗАД

Российские экономические реформы, наиболее значимая часть которых свершилась под руководством Е.Т.Гайдара в 1992-1993 гг., проанализированы в ряде серьезных исследований [1,2,3,4,5,6,7,9]. Не повторяя сделанных в этих работах выводов, я, во-первых, остановлюсь на тех преобразованиях в экономике России, в которых мне довелось участвовать; во-вторых, скажу о своем понимании текущей экономической ситуации в современной российской экономике.

Когда в августе 1991 г. Е.Т.Гайдар, по существу, возглавил российское правительство (председателем Правительства был президент Ельцин, его первым заместителем — Гайдар), перед ним встала нелегкая задача воссоздания российских экономических ведомств. Дело в том, что Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР) в составе Советского Союза не имела полноценных институтов управления. В частности, на фоне Госплана СССР и Госкомстата СССР республиканские Госплан и Госкомстат играли второстепенную роль. Важнейшие отрасли и предприятия России находились в ведении союзных министерств. Поэтому Госплан РСФСР и Госкомстат РСФСР занимались в основном вопросами развития областей и районов России. Из всего материального производства целиком они рассматривали только такие отрасли, как местная промышленность, коммунальное хозяйство, городской транспорт и т.п. Как правило, и наиболее сильные специалисты работали тогда не в республиканских, а в союзных ведомствах.

Поэтому в ноябре 1991 г. Е.Т.Гайдар вместе с В.В.Барчуком и А.А.Нечаевым занялся созданием и организацией работы Министерства экономики и финансов России. Моим коллегам и мне в правительственном Центре экономической конъюнктуры (ЦЭК) были поручены две главные задачи.

Первая задача — сформировать с участием лучших специалистов дееспособный российский Комитет по статистике и безотлагательно обеспечить представление в Правительство текущей статинформации.

При этом уже в начале 1992 г. требовалось подготовить данные о динамике ВВП в разрезе основных секторов и регионов; о производстве важнейших видов продукции в натуральном выражении (уголь, нефть, газ, сталь, зерно, мясо, молоко, хлеб и т.д., всего около 40 наименований); о динамике цен по регионам, в городах и сельской местности. Последняя задача была особенно трудной, поскольку в СССР напрочь отрицался сам феномен инфляции, а значит и не было сколько-нибудь содержательной статистики цен. Если говорить о макроэкономике, уже в 1992 г. требовалось перейти от господствовавшего в советской статистике Баланса народного хозяйства (БНХ) к Системе национального счетоводства (СНС).

ПЕРЕМЕН

Экономические реформы
в России — 20 лет спустя

Вторая задача — социально-экономическое прогнозирование и вариантыные расчеты последствий тех или иных решений, которые анализируются и готовятся Правительством. Здесь у нас был определенный задел и в методах моделирования, и в программно-математическом обеспечении. Однако наработан он был в исследованиях и расчетах по экономике СССР [11, 12]. Теперь же необходимо было очень быстро верифицировать применяемые нами методы и модели на российских данных и «настроить» их на российскую экономику.

Так или иначе, лучше или хуже, но обе эти задачи были решены.

В 1992 г. у нас появились первые, пусть очень грубые экспериментальные таблицы счета текущих операций, счета производства, счета распределения и использования доходов, счета накопления. Их практическое значение было минимальным. 23 октября 1992 г. Верховный Совет РФ утвердил Государственную программу перехода Российской Федерации на международную систему учета и статистики на период 1992–1996 гг. А в 1994 г. Госкомстат приступил к систематической разработке и внедрению СНС в регулярную статистику [10].

Что касается статистики цен, то уже 10 января 1992 г. на стол Е.Т.Гайдара легла докладная записка и стопка распечаток с ЭВМ. Они показывали динамику цен по необходимой номенклатуре товаров и услуг на основе сбора и оперативной обработки данных в трехстах с лишним городах и населенных пунктах Российской Федерации. С тех пор еженедельно Правительство получало экспресс-информацию о потребительских ценах.

Теперь о макроэкономическом моделировании и прогнозировании. В декабре 1991 г. Центр экономической конъюнктуры выполнил вариантыные расчеты (на основе межотраслевых моделей) для оценки влияния на экономику различных схем либерализации цен, внешней торговли, объема и структуры капитальных вложений и других решений, готовившихся Правительством.

ЦЭК выполнял также расчеты по обоснованию бюджетных проектировок, в том числе исходя из различных вариантов сокращения расходов на оборону и безопасность. Эти расчеты показывали, что сокращение текущих расходов на содержание Вооруженных Сил имеет одни последствия для экономики, а уменьшение гособоронзаказа — совсем другие. На завершающей стадии этих расчетов Гайдар, посмотрев очередной вариант, попросил все пересчитать. Он дал

новые вводные по объему и структуре гособоронзаказа и по внешнему долгу, вытекающие из необходимости решения проблем атомно-оружейного комплекса. Выполняя его поручение, я понял, насколько глубоко Егор Тимурович погружен в эту тему, как тщательно и всесторонне вникает не только в финансовые и организационные, но и в военно-политические аспекты. Сегодня ясно, что Б.Н.Ельцин, Е.Т.Гайдар, Г.Э.Бурбулис и все, кто тогда был причастен к принятию сверхответственных решений в этой области, опасались, что распад СССР приведет к вооруженным конфликтам в бывших союзных республиках. К счастью, как мы знаем, этого не произошло.

В декабре 1992 г. Е.Т.Гайдар был отправлен в отставку, но осенью 1993 г. он вернулся в российское Правительство в должности министра экономики и первого заместителя Председателя Правительства В.С.Черномырдина. Егор Тимурович взял на себя ключевые вопросы экономической политики. Мне же он поручил организовать работу Министерства экономики в качестве своего первого зама.

Наряду с макроэкономикой мне пришлось с головой погрузиться в сложнейшие и острейшие отраслевые проблемы. Поскольку главной в то время была задача финансовой стабилизации, то прежде всего пришлось углубиться в проблематику оборонно-промышленного комплекса и угольной промышленности. Именно они требовали мощной подпитки бюджетными средствами.

Хорошо известно, что очень серьезные проблемы в «оборонке» стали копиться еще в советское время: избыточная милитаризация экономики, неудачные попытки конверсии в 80-е годы и др. В 1992–1993 гг. они еще более усугубились из-за дефицита финансовых ресурсов. Достаточно сказать, что в 1992 г. гособоронзаказ пришлось сократить более чем в 5 раз. К тому же в стране просто еще не было какой-либо системы в военно-экономическом программировании.

Вероятно, принимавшиеся тогда решения не всегда были верными. Но, как показало время, удалось сохранить и даже укрепить потенциал ключевых предприятий оборонно-промышленного комплекса. В условиях жесточайшего бюджетного дефицита обеспечивалось не только минимально необходимое финансирование действующего производства, но и освоение, выражаясь сегодняшним языком, инновационных видов вооружений и военной техники. Благодаря этому в 2000-е годы Вооруженные Силы страны получили современный ракетный комплекс стратеги-

ческого назначения «Тополь-М». В 2010 году завершено начатое еще в 1994-м строительство первой российской многоцелевой атомной подводной лодки «Северодвинск». В 2007 году на воду была спущена новая стратегическая подводная лодка «Юрий Долгорукий», заложенная на «Севмаше» в 1997-м. Решения, которые позволили реализовать эти и некоторые другие жизненно важные для страны проекты, принимались российским Правительством в 1992–1994 годах.

Вместе с тем тогда же сложились новые, адекватные рыночной экономике: методика мобилизационного планирования (хотя в начале 90-х некоторые «горячие головы» в Правительстве предлагали вообще ликвидировать моб-план); система обоснования, согласования и утверждения гособоронзаказа; принципы реструктуризации и конверсии оборонно-промышленного комплекса; подходы к монополизации и дерегулированию военно-технического сотрудничества (правда, в этой сфере в последние годы наблюдаются обратные тенденции) [13].

Что же касается угольной промышленности, то ее реформирование имело особое значение. Особое — из-за особого места этой отрасли в российской экономике, а также высокой политической активности шахтеров. Тяжесть шахтерского труда усугублялась бессмысленностью экономических отношений, сложившихся в отрасли в советское время. Труд шахтера в течение многих десятилетий был не просто тяжелым, но и опасным для жизни. В СССР была такая трагическая статистика — на каждый миллион тонн добытого угля в среднем приходился один погибший под землей шахтер. Экономика же отрасли сводилась к тому, что значительная ее часть получала дотации из бюджета. В начале 1990-х годов сумма дотаций достигала 2,5 млрд. долларов в год, т.е. 10% расходов бюджета. Наряду с технически оснащенными и рентабельными шахтами продолжали существовать допотопные, с инженерной точки зрения, убыточные предприятия с ужасающими условиями труда.

В 1993 г. была создана Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов. Комиссия была наделена исключительными полномочиями, её решения были обязательны для всех министерств и ведомств. Е.Т.Гайдар как председатель этой комиссии четко сформулировал суть угольной реформы: ликвидировать технически отсталых и убыточные угледобывающие предприятия с адресной социальной поддержкой шахтеров, адаптировать угольную промышленность к рыночным отношениям. Были приняты важнейшие ре-

шения по реструктуризации отрасли и приватизации ее предприятий [14]. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что начатая Е.Т.Гайдари реформа угольной промышленности дала положительный результат. Было ликвидировано более 180 нерентабельных шахт. Численность работников в отрасли сократилась, а производительность труда выросла вдвое. Смертельный травматизм в отрасли упал более чем в 2 раза. О бюджетных дотациях угольным предприятиям мы уже давно забыли. Более 90% угля в стране теперь добывается частными угольными компаниями, причем добыча ежегодно растет. Их акции стали «голубыми фишками» на отечественном фондовом рынке, что является лучшим показателем успеха реформы российской угольной промышленности.

Анализируя ход и содержание экономических реформ в России в 1992-1993 гг., следует учитывать, что они осуществлялись в экстремальных условиях. Время на подготовку к плавной экономической реформе было упущено. Конечно, было бы правильнее до либерализации цен в январе 1992 г. накопить ресурсы для интервенций на товарных рынках, чтобы смягчить неизбежный ценовой шок. Но о каком накоплении ресурсов могла идти речь, если крупным городам страны реально грозил голод? Золотовалютные резервы страны на конец 1991 г. составляли лишь 65 млн. долларов, а внешний государственный долг вырос до 81 млрд. долларов, внутренний — около 16,5. Новых займов нам не давала ни одна страна. Более того, в счет старых долгов в канадских и европейских портах арестовывались корабли с зерном, которое мы должны были получить по ранее заключенным соглашениям. Под угрозой срыва оказался импорт инсулина, других жизненно важных лекарств, продовольствия [7,8].

А в это время Правительство Ельцина — Гайдара должно было:

- вводить новую бюджетную и жизнеспособную налоговую систему, чтобы хоть как-то наполнить казну и сформировать реальный бюджет страны;
- наводить порядок в банковской системе и денежном обращении в условиях общего с бывшими союзными республиками рублевого пространства. Печатались наличные деньги, к счастью, только в России — в Москве, Питере и Перми, а вот кредитную эмиссию банков Украины или Грузии контролировать было практически невозможно;
- создавать, по существу, заново военную организацию страны;

- решать проблемы передислокации атомного оружия с территорий бывших союзных республик в Российскую Федерацию;
- обустроить государственную границу Российской Федерации и вводить таможенно-тарифное регулирование;
- договариваться с МВФ и Мировым банком о стабилизационном и продовольственном займах;
- обеспечивать поддержание и функционирование на минимально необходимом уровне систем жизнеобеспечения населения и предприятий.

Родившееся в муках на месте бывшей огромной советской республики демократическое государство в первые годы своего существования было недостаточно отстроено. Его институты во многом формировались второпях и на ощупь. Милитаризованная, не ориентированная на конечный спрос и не способная реагировать на научно-технический прогресс экономика, которую страна унаследовала от социалистического прошлого, нуждалась в коренных преобразованиях. Именно они проводились в первые годы становления нового Российского государства.

ОШИБКИ РЕФОРМАТОРОВ

Конечно, были ошибки. На мой взгляд, главная из них — недостаточная системность в государственном строительстве. Многие из нас, в том числе и я, были уверены, что главное — перестроить экономику («базис», как учила нас марксистская политэкономика). А уж политическая структура и социальные отношения в обществе («надстройка») в новых экономических условиях неизбежно реформируются. Эта уверенность подпитывалась тем, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов окружавшие меня люди — дома, на работе и на улицах, во время митингов и тем более событий августа 1991 года — настолько активно и искренне участвовали в общественной жизни, что, казалось, страна быстро распрощается с тоталитарным прошлым и с радостью окунется в демократическое настоящее.

Но, как выяснилось, модернизировать страну только через экономику, сохраняя основу старой политической системы, невозможно. Недостаточно изменить материальное положение людей, надо, чтобы произошли изменения в их мировоззрении, в их головах.

Сегодня приходится констатировать, что в 1991–1993 годах основные силы реформаторы сконцентрировали на экономике. Столь же глубоко и настойчиво включиться в преобразование других сторон государственной системы, на мой взгляд, не удалось. С

первого дня не меньше, чем экономикой, следовало заниматься реформой судебной власти и правоохранительной системы. Надо было лучше отслеживать реальные интересы вновь нарождающихся социальных групп населения и поддерживать формирование различных партий и движений. Надо было создавать и укреплять местное самоуправление, механизмы федеративной парламентской республики и институты гражданского общества.

За свои просчеты мы заплатились трагическими событиями октября 1993 года, реальной угрозой реставрации коммунистического режима во второй половине 1990-х годов и отклонениями от магистральной линии демократического развития в 2000-е годы.

ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ЭКОНОМИКИ

Пока же российская экономика после резкого (более высокого, чем в других сегментах глобальной экономики) спада в 2008–2009 гг. вошла в режим роста. В России уже длительное время наблюдается весьма позитивная динамика многих важных фундаментальных макроэкономических характеристик. После периода высокой инфляции с двузначным темпом прироста в 2001–2008 гг. мы уже четвертый год имеем рост потребительских цен заметно ниже 10%. В то же время в 2010–2012 гг. экономика нашей страны растет с темпом около 4% в год. Внешний долг (около 41 млрд. долларов) и госдолг в целом (примерно 5,4 трлн. рублей, или 9,2% ВВП) сейчас у нас, по теперешним мировым меркам, весьма низкие. Золотовалютные резервы Центрального Банка России составляют около 520 млрд. долларов. Дефицит федерального бюджета в текущем году будет в худшем случае 800 млрд. рублей и не превысит 1,4% ВВП.

Однако за всем этим внешним благополучием кроются очень и очень серьезные проблемы.

Это, во-первых, структурные диспропорции. Наличие собственных природных богатств уже давно превратилось из нашего конкурентного преимущества на мировом рынке в тормоз экономического прогресса, сделав возможной сырьевую ориентацию отечественной экономики. В 2000-е годы доля обрабатывающих отраслей в промышленном производстве у нас не только не выросла, но сократилась. Сегодня топливно-энергетический комплекс определяет почти треть валового внутреннего продукта страны и около 40% всех налоговых и таможенных поступлений в бюджет. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП составляет лишь 15%. Экспорт из России почти на 75% обеспечивается нефтью, газом, углем, металлами

и минеральными удобрениями. В то же время страна критически зависит от импорта многих потребительских товаров и продовольствия, компьютеров и оргтехники, современных видов машин и оборудования.

Отечественные предприятия неконкурентоспособны на внешних рынках, ибо не владеют современными технологиями. Среди двухсот глобальных фирм, зарегистрировавших в 2010 г. наибольшее число патентов, российских компаний нет. Доля новой (не только для нашей страны, но и для мирового рынка) продукции в общем объеме производства российских предприятий составляет 0,5% (в Финляндии — 27,2%, в Германии — 7,1%). Производительность труда у нас отстает от уровня США и других развитых стран, по разным оценкам, в 3–5 раз.

Что же касается макроэкономической устойчивости, то и она сегодня вызывает серьезные вопросы. Без учета доходов от нефти и газа дефицит федерального бюджета в ближайшие три года может составить 10%. Это означает, что все наше макроэкономическое благополучие критически зависит от цены углеводородов на мировом рынке.

Действующая модель российской экономики практически себя исчерпала. Как отмечает Министерство экономики РФ [26], в российской экономике коэффициент использования действующих производственных мощностей достиг значения докризисного 2007 года, а уровень занятости превысил исторический максимум. Безработица упала до рекордно низкой за последние 20 лет отметки. При этом рост производительности труда существенно отстает от роста заработной платы. Без значительных частных инвестиций и смены на этой основе всего технологического уклада экономики переход от её экстенсивного роста со снижающимися темпами к устойчивому развитию невозможен.

Но предпринимательская активность в стране и приток иностранных инвестиций тормозятся высокими институциональными барьерами. Главные из них — незащищенность прав частной собственности, недобросовестная конкуренция (зачастую инновации заменяются административным ресурсом), отклонения от верховенства закона и неудовлетворительное судопроизводство, высокие транзакционные издержки и, конечно же, коррупция.

В ВОСЬМОМ ДЕСЯТКЕ

Охарактеризованные выше процессы, факторы и явления объясняют тот факт, почему, обладая весомыми конкурентными преимуществами (природные ресур-

сы, 8-е место в мире по размеру внутреннего рынка, интеллектуальный потенциал) и даже добившись высоких темпов экономического роста (в 2001–2007 гг. около 7% в среднем за год), Россия находится в восьмом десятке по размеру ВВП на душу населения: 15100 долларов на человека (по ППС).

Уровень бедности (число россиян, получающих доходы ниже прожиточного минимума) уже в течение пяти лет — с 2006 г. — не меняется и составляет 13–15% от общей численности населения. Качество же таких социальных благ, как услуги здравоохранения (и платного, и особенно бесплатного), общее и профессиональное образование, за последние 10 лет только снижалось. По обобщающему индексу развития человеческого потенциала Россия занимает 71-е место в мире.

Результат такого положения дел весьма печален. По данным ВЦИОМ, который провел весьма репрезентативный опрос населения в 46 регионах страны, число россиян, желающих эмигрировать, достигло 21%. Больше всего желающих выехать из страны среди людей в возрасте 18–24 года (39%) и среди высокообразованных респондентов (29%). К сожалению, процесс уже «пошел»: по официальным данным, за последние 10 лет из России уехало более 1 млн. 250 тысяч человек, 40% из них — с высшим образованием.

Наряду с потерей трудовых ресурсов Россия теряет и частный капитал. Чистый отток (превышение вывоза над ввозом) капитала из частного сектора в 2011 г. составил 84,2 млрд. долларов США, в 2012 г. — 57 млрд. долларов.

Таким образом, и труд и капитал «голосуют ногами» против складывающихся в стране социально-экономических отношений.

По своей значимости в ближайшее время нам предстоит пройти развилки сопоставимые с теми, которые мы проходили в 1992–1993 гг. [16].

В 1980-е годы Горбачев отказался от советской империи и пошел по пути демократизации. В 1990-е годы Ельцин отказался от командно-административной системы и начал рыночные реформы. В 2000-е годы Путин отказался от олигархического капитализма и построил бюрократическую вертикаль с теми социально-экономическими отношениями, о которых сказано выше. Сегодня мы стоим перед выбором: либо постепенно двигаться по инерции, либо решительно модернизировать всю нашу социально-экономическую систему.

На мой взгляд, инерционный сценарий ведет только в тупик. В стране нет единства влиятельных

политических элит, а потому постепенные реформы вполне могут быть заблокированы правящей бюрократией.

Необходима решительная модернизация, которая предполагает согласованное продвижение по трем направлениям: политика, институты, экономика [16].

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Я — не политолог. Мне трудно конкретно и содержательно описать механизмы политической трансформации. Но в том, что она произойдет, я убежден. И события 2011 — 2012 гг. в Москве на Болотной, на проспекте Сахарова, в других городах по всей стране убедительно подкрепляют мою убежденность.

Рыночная экономика, несмотря на все препятствия, которые могут чинить и нередко чинят власти, так или иначе формирует достаточно влиятельные группы людей. Их объединяют общие социальные, а затем и политические интересы. Конкуренция между ними и политическими партиями, отражающими их интересы, должна привести к трансформации государства в нужном всем нам направлении.

В ходе политической модернизации предстоит перейти от государственного патернализма к социальному партнерству на основе Общественного договора типа испанского пакта Монклоа [22]. При этом, поскольку без политической конкуренции не может быть конкуренции экономической, необходим «пакет либеральной демократии» [16]: ликвидация патерналистского режима; многопартийность; верховенство права; общественный контроль за бюрократией и бизнесом; децентрализация и развитие местного самоуправления.

Второе направление — модернизация институтов [слайд 11]. Здесь минимально необходимый пакет включает защиту прав собственности, справедливую конкуренцию, верховенство закона [16].

И, наконец, третье направление — модернизация экономики.

ЕЩЕ РАЗ О ГЛОБАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ

Чтобы понять, что она означает для России модернизация экономики, стоит еще раз проанализировать причины мирового кризиса, начавшегося в 2008 г. Его часто называют «Великой рецессией» (в отличие от «Великой депрессии» 1929 года) и обычно объясняют провалом на ипотечном рынке и «сдуванием пузыря» на рынке недвижимости США. Распространение разного рода финансовых инноваций и ослабление контроля за движением финансовых инструмен-

тов на американском и глобальных рынках привели к трудностям в страновых и международной денежно-кредитных системах, а затем и к экономическому спаду. Чтобы стимулировать деловую активность, большинство развитых стран наращивали госрасходы, в том числе за счет бюджетного дефицита и государственного долга. Это способствовало фрагментарному восстановлению мировой экономики в 2010 г., но уже в 2011-м ее рост замедляется (с 5% — в 2010 г. до 3,9% в 2011-м и до 3,2% — в 2012 г.) [слайд 12]. Показательно, что снижение темпов роста в этот период сопровождается еще и высокой, причем ускоряющейся из года в год инфляцией (с 1,5–2,0% в 2010 г. до 3–4% в 2012 г.).

К НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА — «NEW NORMAL»

Многие эксперты у нас в стране и за рубежом, и я с ними полностью согласен, приходят к выводу, что ответом на кризис должно быть не усиление вмешательства в экономику на страновом и межгосударственном уровне, а глубокие структурные реформы и переход к новой модели роста — «new normal» [24].

Лично для меня главным основанием для такого вывода является объяснение кризиса 2008 г. не только и не столько событиями, имевшими место на финансовых рынках, а отставанием мирового технологического процесса от глобального спроса на ресурсы. В последней четверти прошлого и в начале этого века во всем мире экспоненциально росли цены на продовольствие (особенно на белки животного происхождения) и углеводороды (нефть, газ). Тем самым рынок сигнализировал мировому сообществу, что спрос на них резко превышает предложение.

Поначалу этот сигнал вроде бы был услышан — ведущие ученые мира в 1972 г. подписались под докладом т.н. Римского клуба «Пределы роста» [17]. Однако в реальной жизни дополнительные доходы, генерировавшиеся высокими ценами на продовольствие и углеводороды, направлялись не на разработку новых технологий производства и улучшение эффективности использования глобальных дефицитных ресурсов, а на расширение спектра и повышение уровня потребления. Этому в значительной мере, особенно в 2000-е годы, способствовало появление и распространение деривативов и других финансовых инструментов, которые позволяли обслуживать быстро растущий товарный оборот.

Но ведь еще в XVI веке польский астроном, экономист и математик Николай Коперник и английский финансист Томас Грешем сформулировали экономи-

ческий закон, который гласил: «Деньги, искусственно переоцененные государством, вытесняют из обращения деньги, искусственно недооцененные им». Или — еще проще: «Худшие деньги вытесняют из обращения лучшие» [18]. Отсюда — все эти лопнувшие в 2008 году финансовые пузыри.

Постепенно мировое сообщество осознаёт всю опасность игнорирования отрыва спроса от ресурсно-технологических возможностей.

За последние годы, по данным Мирового банка, рост энергопотребления резко замедлился [19]. В марте 2011 года Еврокомиссия приняла весьма ответственные решения, направленные на экономию первичных энергоресурсов. В частности, к 2030 г. более половины всех перевозок пассажиров и грузов на расстояние более 300 км намечается осуществлять водным или железнодорожным транспортом, а к 2050 г. в городах ЕС не должно остаться автомобилей с бензиновым и дизельным двигателями.

Сегодня добыча сланцевого газа из мифа превратилась в одно из главных направлений энергетической стратегии [20]. В США и Европе производство и транспортировка сжиженного природного газа становятся обычным технологическим процессом. Несмотря на аварию на Фукусиме, Россия, США и Япония намерены активно использовать атомную энергию. Во всем мире вкладывается все больше средств в освоение возобновляемых источников энергии — воды, ветра, солнца, геотермальной энергии. В США, в европейских странах, в России разрабатываются новые технологии промышленного и жилищного строительства, ориентированные на экономию энергоресурсов.

Активный поиск новых решений идет и в сфере продовольственного обеспечения. Мировые цены на важнейшие продукты питания (зерновые, мясо, молоко, сахар, масло) в 2011–2012 гг. бьют все исторические рекорды (доклад Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН — ФАО [21]). В другом докладе, совместном ФАО и ОЭСР [21], дается оценка численности населения Земли к 2050 г. — 9 млрд. человек. Чтобы их прокормить, придется увеличить производство продуктов питания на 70% по сравнению с 2005 годом. Именно поэтому вполне оправданы те гигантские инвестиции, которые в последнее время пошли в развитие технологий растениеводства, биотехнологий и генную инженерию.

Однако, прежде чем развитие фундаментальной и прикладной науки, инвестиции в энергетику и энергосбережение, в продовольственный комплекс дадут реальную отдачу, пройдет значительный период вре-

мени, в течение которого мир будет находиться в «зоне турбулентности»: от медленного, плавного роста до резкого торможения и рецессий.

Все это позволяет сделать вывод о том, что как для мировой, так и для российской экономики определяющим фактором устойчивого роста становится ресурсосбережение. В складывающихся условиях темпы экономического развития будут базироваться не на вовлечении в хозяйственный оборот дополнительных материальных и энергетических ресурсов, но на коммерциализации информационных и интеллектуальных ресурсов, на наиболее полном использовании человеческого капитала. Если раньше, в течение многих веков экономический рост генерировался реальным сектором и индустриализацией производства, а технологический прогресс материализовался в сельском хозяйстве, металлургии, машиностроении, энергетике, то теперь драйверами экономического развития становятся образование, наука, здравоохранение, ИТ-технологии, био- и нанотехнологии.

Переход к новой модели функционирования — нетривиальная задача для любой экономики. Для российской экономики он будет еще более сложным в силу ее ресурсной ориентированности и вследствие низкой способности реагирования на изменения той вертикали власти, которая сложилась у нас в стране в 2000-е годы. Поэтому модернизация — не только настоятельная необходимость, но и серьезный вызов для нашей страны.

ВЫЗОВ И ОТВЕТ. ПЯТЬ ВОЗМОЖНЫХ СЦЕНАРИЕВ

Сможем ли мы на него ответить — вопрос тоже отнюдь не тривиальный. Об этом свидетельствуют весьма серьезные исследования, выполненные Фондом ИНДЕМ [25]. С использованием разработанной ими методики сценарного прогнозирования авторы в течение уже более семи лет анализируют потенциально возможные варианты развития общественно-политической ситуации в нашей стране. С учетом статистически значимого влияния на неё важнейших социальных, экономических, институциональных факторов и событий исследователи оценивают вероятность реализации наиболее характерных сценариев. К таковым относятся (в терминологии авторов) пять следующих сценариев:

«Вялая Россия» — инерционное развитие;

«Диктатура развития» — ужесточение режима ради модернизации экономики;

«Охранная диктатура» — ужесточение режима ради сохранения у власти действующей группировки;

«Революция» — нелегитимная смена режима с опорой на уличную активность населения;

«Smart Russia» — движение к модернизации через укрепление гражданского общества и усиление политической конкуренции в правовом поле.

Весьма показательны результаты рассматриваемых исследований, полученные в 2005-м и в 2011 году.

Наиболее вероятным в 2005 г. оказался сценарий «Вялая Россия» (31%). Совсем ненамного от него отстали сценарии «Диктатура развития» (25%) и «Охранная диктатура» (23%). Но и два «крайних» сценария — «Революция» и «Smart Russia» — получили значимые, причем почти равные оценки (11% и 10%).

В 2011 г. ситуация существенно изменилась. Сценарий «Smart Russia» получил, практически, нулевую оценку возможности его реализации, а сценарий «Революция» — оценку менее 0,1%. Прошедшие президентские, парламентские, региональные и муниципальные выборы, обеспечившие статус-кво действующей власти, свидетельствуют, что сценарий «Вялая Россия» в 2011 г. обоснованно получил свои 60%. Вместе с тем многие события текущего года говорят о правомерности получения двумя сценариями диктатуры вполне значимых оценок (20% и 21%). К таким событиям относятся, с одной стороны, меры по ужесточению законодательства, продление предельного возраста чиновников до 70 лет и резкий рост насилия («Охранная диктатура»), а с другой — создание «Открытого правительства», поддержка проекта «Сколково» и др. («Диктатура развития»).

Несмотря ни на что, лично я очень надеюсь, что среди вполне реалистических сценариев вновь появится сектор «Smart Russia» с достаточно высокой процентной оценкой. Убежден, что Россия наконец-то приступит к реальной модернизации не путем ужесточения режима, а через либерализацию экономики и всех общественных отношений.

Яков Моисеевич Уринсон — российский государственный деятель, доктор экономических наук (1980); заместитель председателя правительства России, министр экономики России (1997—1998). Первый заместитель генерального директора корпорации РОСНАНО. Ординарный профессор кафедры бизнес-аналитики Государственного университета /Высшей школы экономики. Член правления Фонда Егора Гайдара.

Литература

- Е.Т.Гайдар.* Гибель империи. Уроки современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006
- А.А.Нечаев.* Кризис в России. Кто виноват и что делать? М.: Астрель, 2009
- Е.Г.Ясин.* Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ ВШЭ, 2002
- Е.Гайдар, А.Чубайс.* Развилки новейшей истории. СПб.: Норма, 2011
- В.А.Мау.* Сочинения. Том 4: «Экономика и политика России. Год за годом (1991–2009)». М.: Дело, 2010
- Anders Aslund. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed. Peterson Institute of International Economics, Washington DC, 2007
- А.В.Улюкаев.* В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М.: Стрелец, 1999
- П.Авен.* Реформы 90-х. Как это было. Фонд Гайдара — gaidarfund.ru/public.php
- С.М.Гуриев.* Мифы экономики. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009
- А.Е.Суринов.* О развитии системы государственной статистики о России. Российская государственная статистика и вызовы XXI века. М.: МЭР-ФСГС, 2011.
- Г.Мальцев, И.Матеров, Я.Уринсон, В.Щербинкин.* О вариантах перехода СССР к рыночной экономике // Экономика и математические методы, 1991, № 1.
- Г.Мальцев, И.Матеров, Я.Уринсон, В.Щербинкин.* Модель экономики СССР в условиях перехода к рынку // Экономика и математические методы, 1991, № 6
- Я.М.Уринсон.* О реструктуризации и конверсии оборонной промышленности // Российская газета, 30.12.1987
- И.С.Кожуховский.* Реструктуризация угольной промышленности // Вопросы экономики, 2000, №1
- Реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2004
- Е.Г.Ясин.* Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: ГУ Высшая Школа Экономики, 2011
- Meadows D.L.* The Limits to growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books, 1972
- Фридрих А.Хайек.* Частные деньги. Глава IV. Путаница вокруг закона Грешема. М.: Институт национальной модели, 1996
- Statistical Review of World Energy 2011. <http://livejournal.com/143314.html>.
- Время сланцев // Коммерсант Business Guide, №2, 2013 г.
- Food and Agriculture Organization of The United Nations. Food Outlook, May, 2012
- OECD- FAO Agriculture Outlook. OECD 2009
- Е.Гонтмахер.* Сценарий: Пакт Монклоа — 2009 // Ведомости, 03.12.2008
- К.Сонин.* Уроки экономики. М.: Альпина Бизнес Букс, 2011
- Ю.Благовещенский, М.Кречетова, Г.Сатаров.* Сценарное прогнозирование политической ситуации в России-2012. М.: Либеральная миссия, Фонд ИНТЕМ, 2012
- Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2013 год и плановый период 2014–2015 годов. М., Министерство экономического развития РФ, сентябрь 2012.

